

Министерство культуры России
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Тюменская государственная академия культуры, искусств
и социальных технологий

Лекция

Тема: Жизненный путь. Стратегия жизни. Жизненная цель. Жизненная
перспектива

Разработчик: аспирант
1 года обучения по
специальности
«Онтология и теория
познания»
Новиков Д. М.

Тюмень, 2010

Содержание

Жизненный путь. Стратегия жизни. Жизненная цель. Жизненная перспектива.....	3
Обзор рекомендуемой литературы.....	3
План лекции.....	3
Субъект жизненного пути.....	4
Понятие жизненного пути.....	8
Студент и его жизненная перспектива.....	11
Литература.....	14

Жизненный путь. Стратегия жизни. Жизненная цель. Жизненная перспектива

*Ein Denker ist ein Mensch, dem
es bestimmt war, durch das
eigene Schauen und Verstehen
die Zeit symbolisch darzustellen.
Er hat keine Wahl.
Oswald Spengler*

Обзор рекомендуемой литературы

Обычно в рамках курса «Психология высшей школы» по данной теме рекомендуют работы психологов гуманистического направления, например, «Человек в поисках смысла» Виктора Франкла или не менее интересные работы советских исследователей, например, «В поисках себя» Игоря Семёновича Кона. В названной работе последнего есть глава, которая так и называется «Дорога длиною в жизнь», где обсуждаются проблемы, волнующие нас сегодня.

Однако я хотел бы обратить ваше внимание на ту литературу, которая обязательно должна присутствовать в вашем сознании в качестве культурного фона. Во-первых, свою ответственность накладывает специализация в области культурологии. Во-вторых, в литературе художественной, религиозной, философской проблемы жизненного пути определены полнее и глубже, чем это делает то или иное направление психологической науки. В-третьих, Лев Николаевич Толстой в своё время писал о том, что образованные люди так много читают книги, которые кажутся важными и сложными, но со временем забываются, и совсем не читают книг, которые и стоят копейки, и написаны языком, понятным каждому простому человеку, и существуют долгое время, и определяют понятия добра и зла для многих народов. В книгах этих изложены религиозные учения учителей человечества, поэтому Л. Н. Толстой в первую

очередь рекомендовал (а я в свою очередь повторяю эту рекомендацию) читать Библию, Коран. От себя добавлю, что в нашем случае меня будут интересовать такие книги Библии, как «Книга Иова» и «Книга Экклезиаст» в переводе М. И. Рижского. Это то, что касается иудео-христианской составляющей нашей российской культуры. В Античности проблемы жизненного пути, судьбы и стратегии поведения в рамках предназначенной судьбы классически поставлены в «Илиаде» Гомера, в многочисленных греческих трагедиях. Перед нашим умственным взором должны стоять жизненные пути Гектора, Ахиллеса, Эдипа, Ореста. В конце Средних веков Данте Алигьери написал «Божественную комедию», сюжетом которой является и путешествие по кругам ада, и описание жизненного пути второй половины жизни (вспомните, что сама комедия начинается словами «Земную жизнь пройдя до половины»). При описании возможных стратегий жизни я буду опираться на работу Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и на работу Александра Куприяновича Секацкого «Чжуан-Цзы и даос Емеля», опубликованную в его книге «Прикладная метафизика». И ещё одна очень важная работа, которую я рекомендую не только прочитать, но и послушать в авторском исполнении, это курс лекций Мераба Константиновича Мамардашвили «Психологическая топология пути».

Определив круг источников и круг чтения, перейдём к самой лекции, в которой нас ждут свои круги и повороты.

План лекции

1. Субъект жизненного пути
2. Понятие жизненного пути
3. Студент / аспирант и его жизненная перспектива

Субъект жизненного пути

Говорить о жизненном пути невозможно без знакомства с тем, кому по этому пути идти. Науку с субъектом жизненного пути знакомит прежде всего Рене Декарт как один из основоположников европейского рационализма. Именно картезианской рационалистической психологии противостоит комплекс научных дисциплин, которые, благодаря используемому ими методу, можно обозначить термином экспериментальная психология.

Психология как наука, в этом случае, возможна, если она не только строит ту или иную систему рациональных, логически непротиворечивых высказываний, но и позволяет проверить истинность своих высказываний в эксперименте, допускает их принципиальную экспериментальную опровержимость. В наблюдении и эксперименте такой науке человек дан как особый объект (объект методического наблюдения и эксперимента), в котором психология выделяет присущий ей как науке особый предмет и занимается изучением не человека, а именно этого предмета. Это может быть психика, психические процессы, силы, функция и многое другое.

Посмотрим, например, на бихевиоризм. В 1913 году Джон Уотсон предложил изучать поведение (behaviour) человека так же, как естественные науки изучают свои объекты. Целью этого изучения являлось установление связи между реакцией (поведением) человека и стимулом, эту реакцию вызывающим. Наблюдаемым в этих условиях является и стимул, и реакция на него. Таким образом, бихевиоризм как научная психология претендует на научность: бихевиоризм соответствует критериям верификации и фальсификации (предположение о наличии связи между стимулом и реакцией можно подтвердить или опровергнуть в соответствующем экспериментальном наблюдении),

бихевиоризм соответствует критерию объективности (наблюдаемые факты стимула и реакции не зависят от наблюдателя), бихевиоризм соответствует прогностическому критерию (знание о наличии или отсутствии связи между стимулом и реакцией позволяет предсказать поведение человека), бихевиоризм позволяет даже управлять реакциями человека, управляя связанными с ними стимулами. Преимущества бихевиоризма были бы ещё несокрушимее, если бы не вспоминался анекдот, приводимый Джоном Сёрлем в своей книге «Открывая сознание заново».

Бихевиористы не только учёные, но и люди, а значит, мужчины и женщины, мужчинам же и женщинам свойственно вступать в брак. И так случилось, что в семье муж и жена учёные, занимаются изучением поведения человека. Днём они работают в исследовательской лаборатории уважаемого университета, а ночью, как и все люди, занимаются на брачном ложе тем, чем прилично и должно заниматься жене и мужу. Как раз после такого занятия один из них говорит другому: «Знаешь, я наблюдал за твоей реакцией и могу утверждать, что тебе понравились стимулы, но я не видел своей реакции и не знаю было ли мне так же хорошо?»

Абсурд подобной ситуации не требует приведения остальных аргументов против концепции бихевиоризма, ибо и одной шутки достаточно, чтобы понять, что не так в этой науке. В ней нет человека.

Другой пример, психоанализ Зигмунда Фрейда, предложившего в начале XX века замечательную концепцию человеческой личности, основываясь на фактах, наблюдаемых в клинике. Эти факты демонстрировали сложное устройство человеческой психики: выделение структуры Super Ego, Ego, Id. В Id выделяются инстинктивные влечения такие как Эрос и Танатос. В психоанализе описываются

механизмы взаимодействия инстинктивных влечений, рациональных установок, ценностных предпочтений и многое другое.

И вместе с этими краткими формулировками сути психоанализа вспомним следующий образ. «Уподобим душу соединённой силе крылатой парной упряжки и возничего. <...> Из коней, говорим мы, один хорош, а другой нет. <...> Один из них прекрасных статей, стройный на вид..., любит почёт, но при этом рассудителен и совестлив... А другой — горбатый, тучный..., полнокровный..., он глухой и еле повинуется бичу и стрекалам». Это ли не образ психоаналитической структуры личности? Это ли не очередной платоновский миф, вложенный в уста Сократу?

Однако в психоанализе меня настораживает не близость к античному мифотворчеству, а судьба несчастного возничего. Ведь не он выбирает тот или иной жизненный путь, не ему подвластна та или иная жизненная стратегия, не перед ним открываются те или иные жизненные перспективы, а лошади. Бессознательные влечения оказываются подлинными героями драмы жизни. А человеческое я?

Что бы не предлагала психология как наука в качестве предмета своего изучения, этот предмет не является субъектом жизненного пути, не может самостоятельно выбрать стратегию своей собственной жизни, он оказывается всего лишь реагирующей на стимулы системой, игрушкой бессознательных сил, продуктом социальных отношений, результатом природного, исторического, культурного и какого угодно другого развития. Однако ни в одной научной психологической концепции человек не является субъектом собственной жизни. Наука познаёт объекты, а не живущего человека. Философия, на мой взгляд, — достойный выбор для познания человеком самого себя.

Здесь уместнее всего вернуться к мыслителю, с которого и начинается

рациональная часть европейской науки, Рене Декарту. В своё время он задумался о фундаменте всех наук, фундаменте прочном, несокрушимом. Для этого все остальные фундаменты подвергнуты сомнению, не оставляющему камня на камне. Сомнительны чувственные основания, поскольку свидетельства чувств, не только сомнительны, но и ложны в сонном или болезненном состоянии. Сомнительны рациональные основания, поскольку из собственного опыта занятий математикой Декарт знал, что человеческий разум ошибается в решении задач, в проведении доказательств, ибо это именно человеческий, а не божественный разум. И что останется, если и чувства, и разум сомнительны? Остаётся само сомнение. И вместе с сомнением находится субъект этого сомнения. В философии субъект, находимый методом радикального сомнения, принято обозначать словами «Ego cogito».

На этом можно оставить Декарта и задать себе вопрос о сути Ego cogito, о сути человеческого Я. Является ли это Я телом? Для ответа на этот вопрос можно посмотреть на свои руки и спросить: «Чьи они?» Можно посмотреть на свои ноги и спросить: «Чьи они?» Посмотреть, спросить и ответить: «Мои. Это моё тело». А если тело моё, то разве сам я тело? Ведь гранитный памятник не гранит, и то же самое могло быть из мрамора, меди, золота. А если душа моя, то разве сам я душа? Ego cogito — не есть ни тело, ни душа. И потому Ego cogito — главный персонаж ситуации выбора, номад, путник жизни. Раскрытие этих смыслов требует отдельного разговора, но уже сейчас можно зафиксировать, что подлинный субъект жизненного пути, обнаруживается методом радикального сомнения и обозначается термином Я. Следовательно, ты сам есть субъект своей собственной жизни, однако своей ли жизнью ты живёшь?

Понятие жизненного пути

До последнего времени приходится слышать определение жизни как способа существования белковых тел. Это определение с известными продолжениями повторяют как самое научное определение жизни. Возможно, кто-то себя и видит в качестве белкового тела, но выше отмечено, что *Ego cogito* белковым телом точно не является.

Другое понимание жизни мы встречаем, например, у М. К. Мамардашвили, который в своих лекциях «Психологическая топология пути» говорит: «Жизнь есть усилие во времени». Это точное психологическое наблюдение. Кажущееся живым может живым вовсе не оказаться. Чужая мысль, настолько чужая, что, не задумываясь, стандартно повторяется, является мыслью мёртвой. Типичное чувство, что невозможно сказать, чувствуешь ли ты его сам или таковы обстоятельства, диктующие слова и мысли о чувстве, на самом деле мёртво. В словах, в которых нет меня самого царит смерть. Жизнь оказывается сильно переплетена со смертью, а смерть оказывается такой частью жизни, что грозит не оставить места для живого чувства, живого слова. Для человека, осознающего это, жизнь, действительно, есть усилие во времени. И каждый мыслящий, сомневающийся, ищущий своего собственного пути, оказывается в ситуации, когда именно он и должен осуществлять это усилие во времени, и ничего другого сознательно он делать не может. Это то дело, которое каждый должен делать сам. Жить надо самому, любить надо самому, познавать надо самому. Именно так когда-то Адам сам, без всякой помощи, познал Еву.

Об этой же теме, отмеченной мной у М. К. Мамардашвили, можно почитать в романе Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн». Я же здесь зафиксирую одну мысль: для понимания сути жизненного пути, необходимо ясно отдавать себе

отчёт о связи в человеческом субъекте жизни и смерти, о психологической проблеме своего и чужого.

Понимание жизненного пути в психологии оказывается настолько тесно связано с пониманием жизненной цели, что без книг, подобных «Человеку в поисках смысла» Виктора Франкла, уже не обойтись. Но ещё больше, на мой взгляд, не обойтись без тонких психологических наблюдений Л. Н. Толстого, русского писателя и мыслителя.

Суть толстовских наблюдений заключается в разнице психологических состояний между человеком, который ищет ответ на вопрос «Зачем жить?», и человеком, который ищет ответ на вопрос «Как жить?». Ведь если в бессмысленной жизни искать цели, которые оправдают всю бессмыслицу, то поиски эти тщетны. Четыре исхода ждёт в этой ситуации человека. Во-первых, легкомысленное непонимание пустоты и бессмысленности жизни. Во-вторых, удовлетворение преходящими удовольствиями. В-третьих, самоубийство. В-четвёртых, жалкое существование с сознанием бессмысленности жизни. Но бессмысленной жизнью не надо жить. Вопрос не в том, какой смысл у бессмысленной жизни, а в том, как жить жизнью, которая имеет смысл. Л. Н. Толстой предлагает не поиск смысла жизни, а саму осмысленную жизнь.

Другими не менее важными являются замечания А. К. Секацкого о смысле жизни. В своей статье «Смысл вопроса "В чём смысл жизни?"» он сравнивает кажущееся многим предельное вопрошание с детской языковой игрой, в которой один просит: «Скажи "окуроч"!», а другой, поддавшись в конце концов упрашиванию, повторяет заветное слово "окуроч" и получает в ответ: «Твой отец придуроч!» Просьбу «Скажи: "В чём смысл жизни?"!», будучи интеллектуально вменяемым, нельзя воспринимать всерьёз. Просьба эта представляет собой

слишком простую языковую игру, в которой мыслитель, потерявший чувство интеллектуального вкуса, играет роль самого настоящего дурака.

Наиболее яркими являются две стратегии осмысленного жизненного пути. Одна из них описана в работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». В сотворённом Богом мире после грехопадения человека лишь избранные предопределены Господом ко спасению. Бог призывает к себе избранных людей, и стратегия жизни заключается в распознавании этого призвания (нем. "Beruf", англ. "calling") и следовании ему. Это не просто профессиональная ориентация, получаемая после прохождения того или иного психологического теста, это ситуация выбора между вечной жизнью и вечной погибелью, условие, при котором на кону оказывается не только твоё временное существование, но и твоя собственная вечная жизнь. Когда ставки предельно высоки, можно говорить и о высоком предназначении человека. При этом оказывается, что успех в мирских делах является знаком успешного распознавания своего собственного призвания, которое мы по-русски именуем профессией.

Другая стратегия описана в работе А. К. Секацкого «Чжуан-цзы и даос Емеля». Что такое человек дела? Успешный воин, успешный строитель, успешный земледелец — каждый обладает определённым набором свойств, который делает его искусным в том или ином призвании. Твоя быстрота, сила и ловкость, возможно, сделают тебя искусным воином, но окажешься ли при этом востребованным ты сам? Ты думаешь, что свойства, способные сделать тебя воином, строителем, земледельцем, бизнесменом, политиком, дизайнером, программистом, являются тем, что принадлежит именно тебе? Что будет с зайцем, возомнившим, что "обладающий вкусным и нежным мясом" именно свойство, а не то, чем заяц привлекателен волку? Всякое свойство, в свою очередь, ставит тебя в

отношении к другому и тем самым становится не столько собственным свойством, сколько свойством для другого. Твоя востребованность оказывается востребованностью не для тебя самого, а для другого, возможно, не только чуждого, но и враждебного. Трудясь на ниве призвания, не увеличиваешь ли ты благо и своего врага? Ответ Емели на призыв сходить за водой может быть только один: «Неохота!» Деяния, совершаемые Емелей, совпадают с совершенным недеянием лежания на печи. И тем не менее эта сказочная стратегия оказывается так же вознаграждена вполне себе мирскими благами такими, как царевна и целое царство в придачу.

Итак, жизненный путь — это путь, который невозможно пройти другому человеку, путь, которым тебе придётся идти самому. Ситуация выбора жизненного пути возможно тогда и только тогда, когда выбирать приходится между жизнью и смертью, когда на кону стоит твоя собственная жизнь. Какую бы стратегию жизненного пути не выбирать, открывающаяся жизненная перспектива поведёт тебя по краю бездны, как единственному собственному пути.

Студент и его жизненная перспектива

Наметив понимание жизненного пути и его субъекта, узнаёшь, что это понимание своего собственного пути и самого себя, то о чём Данте сказал: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» И оказавшись в этой ситуации, стоит по крайней мере наметить возможные ориентиры и исходы.

Студент, поступая в университет, должен иметь представление о том, что можно учиться той или иной профессии, чтобы потом успешно реализовывать свой потенциал в практической деятельности. Такой студент хорошо знает ответ

на вопрос: «На кого ты учишься?» Другая возможность для студента — это изучение той или иной науки, погружение в системы теорий и экспериментов, производство новых знаний, утверждение новых технологий. Такой студент хорошо знает ответ на вопрос: «Что ты изучаешь?» Именно такого студента вероятнее всего встретить в аспирантуре.

Перед аспирантом тоже стоит определённая альтернатива. Изучая ту или иную область знаний, можно читать лекции, вести семинары, заниматься большей частью преподавательской работой. С другой стороны, можно большую часть времени проводить в исследовательской лаборатории, работая в том или ином академическом институте. Поэтому аспиранту, как и студенту, приходится выбирать, а самое главное, им обоим необходимо ясно сформулировать ситуацию выбора как проблему, иначе может случиться, и даже часто случается, что выбор делается как бы сам собой, как будто человек здесь вовсе не при чём. Однако профессия и наука нуждаются в первую очередь в человеке. И тем более в человеке нуждаются студенты. Оказавшись же случайно на каком-то месте, как ты узнаешь, что место это твоё?

В своё время Л. Н. Толстой, не получивший академического университетского образования, опубликовал статью «Воспитание и образование», некоторые наблюдения и мысли которой касаются и преподавателей высшей школы.

В тезисах обозначу основные претензии и Льва Николаевича: 1. «В университете ... редко кого увидишь с здоровым и свежим лицом». 2. «Из предметов преподавания нет ни одного, который бы был приложим к жизни, и преподают их точно так же, как заучивают псалтырь... Я исключаю только предметы опытные, как-то: химию, физиологию, анатомию, даже астрономию, в

которых заставляют работать студентов; все остальные предметы, как-то: философия, история, право, филология, учатся наизусть, только с целью отвечать на экзамене...» 3. «Я не говорю уже о злоупотреблениях, повторяющихся сотни раз. Для того, чтобы получить этот аттестат, я должен исполнить любимые привычки профессора: или сидеть всегда на первой лавке и записывать, или иметь испуганный или весёлый вид на экзамене, или иметь одинаковые убеждения с профессором, или посещать аккуратно его вечера (это не мои выдумки, а мнения студентов, которые можно всегда слышать в каждом университете)». 4. «Я боюсь, что тайна университетского преподавания происходит оттого, что 90 из 100 курсов, будь они напечатаны, не выдержат нашей неразвитой литературной критики. Почему непременно нужно читать [лекции], а не дать студентам в руки хорошую книгу, свою или чужую, одну, иди две, или десять хороших книг?». 5. «Главная забота студентов (и я теперь говорю только о самых лучших) — достать записки или руководство, по которым можно будет подготовиться к экзамену. <...> Почти всегда, с точки зрения студентов, лекции составляют пустую формальность, необходимую только в виду экзамена». 6. «Когда были переводные экзамены, каждый год происходило хоть не изучение предмета, но ежегодное выдалбливание записок перед экзаменом». 7. «Как скоро существуют экзамены с их настоящим устройством, переводные или выпускные — это всё равно, непременно должно существовать и бессмысленное долбление, и лотерея, и личное расположение, и произвол профессора, и обман студентов». 8. «Всякий, знающий университеты, знает, что приведённые случаи составляют правило, а не исключение, что иначе и быть не может».

Столь большие выписки специально приведены, чтобы освежить в памяти ситуацию в высшем образовании в середине позапрошлого века (статья вышла в

свет через год после отмены крепостного права). Но вместе с тем, эти выписки приведены, чтобы мы, будучи студентами, аспирантами и преподавателями, задумались, не воспроизводим ли мы ту самую ситуацию, которую обличает Л. Н. Толстой? Не оказываемся ли мы заложниками дурного повторения? Находимся ли мы на своём месте, чтобы изменять положение дел высшей школе к лучшему?

Литература

1. Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Макс Вебер. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. — 656 с.
2. Декарт, Р. Размышления о первоначальной философии / Рене Декарт. — Санкт-Петербург : Абрис-книга, 1995. — 192 с.
3. Из истории мировой гуманистической мысли / сост. А. Ф. Малышевский, В. А. Карпунин, К. С. Пигров, Ю. М. Шор. — Москва : Просвещение, 1995. — 430 с.
4. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. — Москва : Политиздат, 1978. — 367 с.
5. Кон, И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И. С. Кон. — Москва : Политиздат, 1984. — 335 с.
6. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Платон. — Москва : Мысль, 1999. — 528 с.
7. Секацкий, А. Изыскания / Александр Секацкий. — Санкт-Петербург : Лимбус-Пресс, 2009. — 400 с.
8. Секацкий, А. Прикладная метафизика / Александр Секацкий. — Санкт-Петербург : Амфора, 2005. — 414 с.
9. Серл, Джон. Открывая сознание заново / Джон Серл. — Москва :

Идея-Пресс, 2002. — 256 с.

10. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 16 / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1983. — 447 с.
11. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 17 / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1983. — 296 с.
12. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — Москва : Прогресс, 1990. — 368 с.